

Из взаимоотношений Пушкина и декабристов

В. В. ПУГАЧЕВ (Саратов)

1. Был ли Пушкин декабристом? Думается, что да, Если, конечно, не считать декабристами только членов тайного общества. Но в таком случае из числа декабристов пришлось бы исключить не только Пушкина, но и Рылеева до 1823 г. (дата приема), до 1824 — А. А. Бестужева, до конца ноября 1825 г. — В. В. Кюхельбекера.

Кого же считать декабристами? Ответить нелегко. И теперь, 150 лет после восстания, остается неясным, кому вручать «партийный билет» декабриста (как принято было выражаться 50 лет назад, когда отмечался 100-летний юбилей восстания).

Может быть, только участников восстания? Но в таком случае не был декабристом даже Пестель — его арестовали раньше. Не оказалось на Сенатской площади ни Н. И. Тургенева, ни Никиты и Александра Муравьевых, ни М. Ф. Орлова, ни И. Д. Якушкина. А сомневаться в их декабризме не приходится.

Дать точный ответ трудно. Попробуем дать хотя бы приблизительное определение.

Думается, что декабристами можно считать тех политических деятелей, которые сознательно и активно готовили «военную» революцию, призванную разрушить феодально-крепостнический строй, стремились принять в ней личное участие и так или иначе были связаны с тайным обществом (но не обязательно в него входили формально).

В таком случае и К. Рылеев, и А. Бестужев, и В. Кюхельбекер окажутся не «случайными», а подлинными декабристами. Декабристом окажется и Пушкин. Только в отличие от Пестеля или С. Волконского его оружием было прежде всего слово.

Пушкин был крупнейшим поэтом декабристов, творчество которого предельно точно отразило героический и трагический путь первых русских революционеров, его основные этапы, оттенки, кризисы, противоречия, оно пропагандировало не только декабристскую идеологию вообще, но и конкретные политические установки и лозунги тайного общества, их эволюцию на разных этапах развития.

Как это произошло?

2. Пушкин стал первой жертвой немногочисленных политических репрессий начала 1820-х годов. Почему именно Пушкин, а не члены тайных обществ?

В 1851 г. в брошюре «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен писал:

«У народа, лишенного свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести.»¹

Так было и во времена декабристов. Власти обрушились прежде всего на поэтов. Дважды высылался Пушкин. В 1822 г. был выслан из Петербурга Катенин (к этому времени уже не член тайного общества). Членов же тайного общества не трогали, хотя правительству было известно о его существовании.

Александр I узнал о декабристах не позже 1820 г. И. Д. Якушкин вспоминает:

«У императора была в руках „Зеленая книга“, и он, прочитавши ее, говорил своим приближенным, что в этом уставе Союза благоденствия все было прекрасно, но что на это несколько нельзя полагаться, что большая часть тайных обществ при начале своем имеет почти всегда только цель филантропическую, но что потом эта цель изменяется скоро и переходит в заговор против правительства. С этих пор император находился в каком-то особенном опасении тайных обществ в России. К нему беспрестанно привозили бумаги, захваченные у лиц, подозреваемых правительством.» Правда, Якушкин уверяет: «И странно, в этом случае не попался ни один действительный член общества.»²

А может быть, и не странно. Не исключено, что членов тайного общества умышленно не беспокоили.

В мае 1821 г. командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков подал императору агентурное донесение, составленное членом Коренной управы Союза благоденствия М. К. Грибовским и начальником штаба гвардейского корпуса будущим шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом. В нем подробно и подчас довольно точно (хотя неполно, с проблемами и ошибками), излагалась история тайных обществ с 1814 до января 1821 г., перечислялись и характеризовались наиболее видные члены Союза благоденствия. Сообщение было важным, но ему не дали ходу (нашли в кабинете Александра I после смерти царя). Необычная судьба доноса вызвала недоумение николаевских сановников и споры мемуаристов и ученых. По одной из версий, Александр I, ознакомившись с донесением, сказал Васильчукову: Не мне карать за то, чем я сам увлекался в молодости.³ Возможно, что эти слова и были сказаны. Но поверить в их искренность невозможно — Пушкин был выслан именно за такие «увлечения»... Трудно дать объяснение поведению Александра I. Ограничься лишь некоторыми соображениями.

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 7. Москва 1956, 198.

² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Москва 1951, 51.

³ Н. К. Шильдер, Император Александр Первый, т. 4. СПб. 1898, 204.

Донесение Грибовского вряд ли было сенсацией для царя. Вероятно, многое он уже знал и потому сохранил самообладание и даже сказал красивую фразу.

Служка за декабристами велась и раньше. Сам Грибовский, видимо, был не единственным агентом в Союзе благоденствия — агентом тайной полиции.

Новые документы, вводимые в научный оборот В. Н. Равдиным и А. Б. Рогинским (прежде всего, дневник А. Д. Балашова), показывают, что осведомительская деятельность М. К. Грибовского не была ни скоротечной, ни случайной.⁴ Возможно, что он вступал в Воюз благоденствия уже как агент.⁵ Иначе трудно понять, почему крепостник⁶ стал членом общества с антикрепостнической программой.⁷ Возможно, поэтому, что Грибовский и ранее информировал власти о деятельности декабристов. Сведения давали и другие агенты.⁸ Таким образом, царь был осторожен и расчетлив. Арест членов тайного общества, дворян, без достаточных оснований, мог бы показаться «вторым изданием» павловского царствования и вызвать нежелательные осложнения во взаимоотношениях с дворянством. А между тем, предъявить серьезные обвинения членам тайного общества в 1821 г. было довольно трудно. Союз благоденствия был распущен, его устав не был криминальным, поскольку тайные общества в России не были запрещены, а о планах царевубийства известно пока не было. Публикация сведений о Союзе благоденствия могла вызвать оживление консервативной оппозиции, выступавшей против всяких реформ. Это тоже не входило в планы царя. К тому же Александр I явно преувеличивал силы тайного общества. Якушкин вспоминает:

«Он был уверен, что устрашающие его Тайные общества были чрезвычайно сильны, и сказал однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этот счет: „Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства: в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии они кормили цехые уезды“. И при этом назвал меня, Пассека,

⁴ Высказывались и другие мнения. Например, что Грибовского завербовали в агенты тайной полиции после волнения Семеновского полка. Так полагал А. Н. Шебунин. Эту точку зрения разделяет Н. В. Нечкина (см. ее монографию: *Движение декабристов*, т. 1. Москва 1955, 348—349.)

⁵ А. Б. Рогинский, Б. Н. Равдин, «Вокруг доноса Грибовского» (заметка печатается в 7-м выпуске межвузовского сборника «Освободительное движение в России». Саратов 1976).

⁶ См. его книгу: *О состоянии крестьян господских в России*. Сочинение М. Грибовского. Доктора обоих прав. Харьков, 1816.

⁷ За это говорит и характер официального резюме в «Алфавите декабристов»: Грибовский. Статский советник, служивший в Инвалидном комитете, а потом вице-губернатором. Принадлежал к числу членов Союза благоденствия до времени уничтожения оно. В возникших же в 1821 г. тайных обществах участия не принимал. Высочайше повелено оставить без внимания» («Восстание декабристов», т. VIII, с. 74). Составитель явно сознательно умолчал о доносе Грибовского, его осведомительской деятельности, это еще раз заставляет предположить, что речь идет о зашифровке давнишнего тайного агента.

⁸ О том, что Грибовский не был единственным источником сведений о декабристах, говорит и назначение его 15 июля 1823 г. симбирским вице-губернатором. Удаление из столицы единственного важного осведомителя выглядит странно.

Фонвизина, Михаила Муравьева и Левашова. Все это передал мне Павел Колошин, приехавший из Петербурга по поручению Н. Тургенева.»⁹

Мемуарные свидетельства Якушкина подтверждаются письмом И. Г. Бурцева П. Д. Киселеву от 23 января 1823 г.:

«Ваше превосходительство объявили мне, что государь император изволит меня считать принадлежащим к какому-то тайному обществу, происками которого в 1821 г. учреждена была подписка на вспомоществование жителям Смоленской губернии.»¹⁰

Характерно, и другое свидетельство «Записок» Якушкина о том, что Ермолов в

«22-м году... увидев приехавшего к нему М. Фонвизина, который был у него адъютантом, воскликнул: „Поди сюда, великий карбонарий... Он вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся.“»¹¹

По-видимому, Александру I представлялись неясными отношения тайного общества с Ермоловым и другими генералами. Имя Орлова могло вызвать ассоциацию с генеральским протестом против попытки создания Литовского корпуса, о котором рассказывает тот же Якушкин.¹² Разглашение сведений о тайном обществе могло невыгодно отразиться и на международном авторитете России. Во время греческого восстания и связанного с ним сложного переплетения русско-австрийских, русско-английских, русско-турецких отношений это было бы весьма некстати. Наконец, Союз благоденствия представлялся Александру I не тем обществом, которое он тщетно искал. Ему мерещилась международная революционная организация. Гонимая за призраком, она просмотрела реальность. Все это делало арест декабристов в 1821 г. явно неразумным.

Отмечу, что история с доносом Грибовского — только эпизод линии поведения Александра I. В 1822 г. стала очевидной попытка И. Ф. Орлова подготовить восстание 16-й пехотной дивизии, а вслед за ней и в других войсковых частях. Это было посерьезнее Союза благоденствия. Но и на этот раз Александр I проявил осторожность. Арестован был лишь майор В. Ф. Раевский. Орлова же отстранили от командования и отправили в бессрочный отпуск. Об аресте его не было и речи.¹³

Вместе с тем Александр I постепенно готовил сокрушение тайного общества. Прежде всего обосновывалась криминальность тайных организаций. 6 августа 1822 г. был издан указ о запрещении тайных обществ. Отныне пребывание в любом из них могло квалифицироваться как преступление. Главное же, Александр I стремился перетянуть на свою сторону армию и превратить тайное общество в безобидную оппозицию.

⁹ И. Д. Якушкин, Записки, 51.

¹⁰ Заболоцкий-Десяторский, Граф П. Д. Киселев и его время, 4:28.

¹¹ И. Д. Якушкин, Записки, 53.

¹² Там же.

¹³ Подробнее см.: М. Гершензон, История молодой России. Москва 1923; — В. В. Пугачев, Декабрист И. Ф. Орлов и московский съезд Союза благоденствия: Ученые записки Саратовского университета, вып. 56, Саратов 1958.

В конце концов эта цель была достигнута. Если в 1820—1821 гг. у М. Ф. Орлова были серьезные основания полагать, что армия, в основном, будет на стороне восставших, то в 1825 г. она оказалась в большинстве своем на стороне правительства.¹⁴ Что касается направления — трансформации тайного общества, то Александр I действовал в этой области весьма энергично, хотя и безуспешно. Он пытался, прежде всего чрез М. М. Сперанского, перетянуть на свою сторону лидеров тайного общества. Учитывая либеральную репутацию Сперанского, хотели сделать его рупором безобидной оппозиции, включающей и нее и часть тайного общества.

Из дневника М. М. Сперанского мы узнаем, что царь поручил ему в 1822 г. занять Н. И. Тургенева «делом», чтобы он бросил писать «проект». На Н. И. Тургенева пытались воздействовать и через А. А. Аракчеева. В дневниковой записи Тургенева от 11 августа 1823 г. говорится:

«Четвертого дня. . . я получил повестку явиться к графу Аракчееву. Был у него третьего дня. Он принял меня отменно ласково, говорил, что консульской вакансии нет, как говорил Т., но что я полезен в Совете, что государь знает мой ум, что я русской, что, надобно служить в России. Коснулись и до мнений. И тут граф Аракчеев сказал: „Мало ли что кто прежде думал, и самому иногда смешно, как вспомнишь о том, что думал прежде.“ Я сказал, что и я прежде и писал, и говорил, но что в последний раз министр финансов на меня говорил неосновательно. Между прочим, граф Аракчеев (я подчеркиваю слова его, ибо сам бы не мог их о себе сказать) сказал мне: „Государь знает Ваши нужды. Пенсия, к которой Вы представлены, будет, сверх того, Государь велел спросить, чего Вы еще желаете, он согласен сделать пожертвование“; я отвечал, что мне ничего не нужно, что я и того не смел надеяться, мне неудобно было сказать то, что я думаю о пенсии, т. е. что мне ее советно получать. Наконец, при выходе моем Аракчеев сказал: „Я рад, что с Вами познакомился, или что-то такое. Я давно уже этого желал, и очень рад, что нашел Вас совсем не тем, как о Вас говорили“».

И хотя далее Тургенев пишет:

«Фразы графа Аракчеева меня прельстить не могут. Я обжегся на фразах Гурьева» все же добавляет:

«Но за ласку его я не могу быть неблагодарным. Но тут мне нравится поступок государя.»¹⁵

Сперанский и Аракчеев действовали согласованно, по заданию Александра I. По-видимому, он пытался вести такие же переговоры и с другими лидерами тайной организации (и так же безуспешно). Но в данном случае важен, по-видимому, не результат, а замысел, частично объясняющий причины отказа Александра I от репрессий против тайной организации. Царь выжидал.

С поэтами же, в частности с Пушкиным, было проще. Серьезного противодействия дворянской общественности из-за репрессий против литераторов можно было не опасаться. А формально основания для высылки Пушкина

¹⁴ См.: А. Е. Пресняков, Четырнадцатое декабря 1825 г. Ленинград 1925. По-видимому, Александр I возлагал большие надежды на окончательное устройство военных поселений, по его мысли, не зависящих ни от дворянства, ни от народа.

¹⁵ Н. И. Тургенев, Дневники и письма, 3: 353.

были — он держался не только неосторожно, а даже вызывающе. Между тем удаление Пушкина было сильным ударом по тайной организации. Она пока в основном занималась пропагандой, воздействуя на общественное мнение словом — устным и письменным. Вера во всеислие общественного мнения дополнялась верой во всеислие дворянства. Казалось, что завоевание общественного мнения, точнее, дворянского общественного мнения, может решить все проблемы — без насильственной революции, мирным путем. Так полагало руководство Союза благоденствия на первом этапе его существования, в 1818—1819 гг. Поэтому Устав тайной организации уделял особо большое внимание завоеванию командных высот в художественной литературе.

Пушкин в этом отношении был для Союза благоденствия чрезвычайно важен. Хоть он и не входил в организацию, его политическая лирика направлялась руководителями Союза и воздействовала на читателей в нужном тайному обществу направлении.

Николаевские следователи не включили Пушкина в «Алфавит декабристов». ¹⁶ «Проикосновенность» к ним определялась формально-юридически — принадлежностью к тайному обществу, степени «вины» (особенно учитывались планы цареубийства), мерой наказания. Вместо живых людей получилась галерея «государственных преступников», охарактеризованных очень схематично. Суть декабристского движения оказалась упрощенной и обедненной, акценты были расставлены явно неправильно. По «Афавиту» Каховский и Бестужев-Рюмин, приговоренные к смерти через повешение, выглядели более видными декабристами, чем Николай Тургенев или Никита Муравьев. В. Кюхельбекер представлялся значительнее М. Орлова.

Этот формальный подход повлиял в какой-то мере и на историков. Еще более воздействовали в том же направлении следственные дела декабристов. Следственная комиссия задавала весьма схематичные вопросы, на которые поневоле давались такие же схематичные ответы. Разумеется, материалы суда и следствия — первоклассный источник, без которого обойтись нельзя. Но знакомство с ними на какое-то время загипнотизировало исследователей и привело к повторению николаевской схемы. Это сказалось даже в замечательной книге В. И. Семевского «Политические в общественные идеи декабристов». ¹⁷ В какой-то мере мы полностью не освободились от этой структуры и сегодня. Получается, что декабристы жили лишь в сфере откровенно политических лозунгов и планов. Вся остальная идейная, культурная жизнь, связанная, конечно, с политикой, но подчас весьма сложно, была чужда лучшим людям

¹⁶ Полный заголовок: Алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ, прикосновенных к делу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 г. следственной комиссиею. «Алфавит» был составлен в 1827 г. правителем дел следственной комиссии А. В. Боровковым. Опубликовано в 1926 г. «Центр. Архив. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах, т. III. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Ленинград 1926.

¹⁷ СПб. 1909.

эпохи. Разумеется, это неверно. Г. А. Гуковский в своих книгах о Пушкине показал ложность такого изображения декабризма и декабристской идеологии.¹⁸ Он доказал, например, что гнедичевский перевод «Илиады» — декабристское произведение, хотя политических лозунгов и призывов там нет.¹⁹ Думается, что пора отказаться от навязанной николаевскими следователями схемы в характеристике декабристов. Это изменит и характеристику Пушкина. Если составить настоящий, научный «Алфавит» декабристов, то Пушкина придется в него включить — как декабристского поэта.

3. С 1817 по 1825 гг. поэзия Пушкина эволюционировала вместе с декабристами, их идеологией, программой и тактикой. Как же это произошло с поэтом, не входившим в тайное общество?

По-видимому, он догадывался о существовании тайной организации, ее руководителях (Н. И. Тургеневе и П. И. Пестеле), и, в отличие от Грибоедова, стремился в нее вступить.²⁰

Его упорно не принимали. С тем большим желанием он готов был выполнить любое поручение предполагаемых руководителей тайной организации. И если, например, Н. Тургенев намекал ему на желательность создания того или другого политического стихотворения, Пушкин немедленно откликнулся на это.

Политически Пушкин эволюционировал в том же направлении, как и декабристы, — от умеренно-либеральной политической платформы к радикальной, революционной. При этом в рамках декабристского движения он постепенно переходил к более демократическим течениям, от Союза благоденствия, Н. И. Тургенева к Пестелю. В этом смысле рубежом была его высылка из Петербурга. В петербургский период от окончания Лицея до ссылки он, в основном, испытывал идейное воздействие Тургенева. На юге же, соприкоснувшись с Пестелем и его единомышленниками, перешел на их позиции.

О «Вольности» и «Деревне» уже писали.²¹ Остановимся на послании «К Чаадаеву». Журнальное общество не было образовано. «Россиянин 19 года» не увидел света.²² Легальные и полулегальные средства борьбы становились все труднее. Это изменило и характер Союза благоденствия.

¹⁸ Г. А. Гуковский, Пушкин и русские романтики. Москва 1956; его же, Пушкин и проблема реалистического стиля. Москва 1967.

¹⁹ См. статью Ю. М. Лотмана о Н. И. Мордовченко, в которой приводятся соображения об этом. Н. И. Мордовченко (Межвузовский сборник «Освободительное движение в России», вып. 1. Саратов, 1971).

²⁰ Сводку данных об этом см.: А. А. Осокин, «Пушкин и декабристы». (Межвузовский сборник «Освободительное движение в России», вып. 1, Саратов 1971, 72—84).

²¹ См. В. В. Пугачев, Пушкинская ода «Вольность» и предыстория Союза благоденствия. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. V, Москва—Ленинград 1962, 94—134. О «Деревне» в «Известиях ОЛЯ», 1976, № 6.

²² А. Н. Шebuнин предполагал, что вместо него Ф. Н. Глинка развил деятельность в «Соревнователи просвещения». Вряд ли это так. «Соревнователь» к «Обществу 19 года» не имел никакого отношения. Скорее с этой попыткой связан «Невский зритель». Но и он — не общество.

В конце 1819 — начале 1820 годов сначала М. Ф. Орлов, а потом и все тайное общество от тактики медленного воздействия на общественное мнение, на правящий класс и правительство перешли к тактике «военной революции». Начавшиеся в 1820 г. испанская, португальская и неаполитанская революции, в которых главной силой была армия, укрепили эту линию. Конечно, восстание войска не было новостью. Весь XVIII век в России происходили военные дворцовые перевороты. Но таких восстаний декабристы не хотели, опасаясь, что захват власти военными кончится бонапартизмом. В Испании, Португалии, Южной Италии в результате «военной революции» утвердились конституции и представительное правление. 24 марта 1820 г. Н. И. Тургенев записывал в дневнике:

«Вчера получили здесь известие, что король гиспанский объявил конституцию, Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гиспанскому народу! Нынешние инсургенты, сколько можно судить по газетам, вели себя благородно. Объявили народу, что хотя конституции, без которой Испания не может быть благополучна. Может быть, Испания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможностию.»²³

Думается, что речь идет о возможности не только конституции в России, но и о возможности завершения «военной революции» конституционным правлением, а не цезаризмом.²⁴ В то же время она, по словам Бестужева—Рюмина, не будет стоить ни капли крови, ибо «произойдет одною армиею, без участия народа».

С курсом на восстание менялось отношение к либеральной оппозиции. Она уже не была так нужна, как прежде, в пору ориентации на общественное мнение. Поэтому левые, радикальные течения заявили о себе более громко.

С 1820 г. влияние Н. Тургенева в декабристских организациях довольно быстро уступило место влиянию Пестеля. По существу, наступил новый этап в развитии декабризма, приведший к выступлению на Сенатской площади.

Пестель приехал в Петербург в начале 1820 г. и пробыл здесь около 4-х месяцев. Развив кипучую деятельность, он во многом ускорил превращение Союза благоденствия в революционную организацию. В январе 1820 г. по его инициативе на квартире Ф. Глинки состоялось заседание Коренной управы Союза благоденствия. Пестель выступил с докладом о республиканском правлении, в котором рассматривал его как наилучшее. Правда, предложение учредить республику в России не было принято.²⁵ Пестель, чтобы не отпугнуть преждевременно более умеренные элементы, даже пошел на некоторые формальные уступки. На деле же он упорно проводит явно новую линию. В ян-

²³ Н. И. Тургенев, Дневники и письма, 3: 226.

²⁴ Об откликах в России на испанскую революцию см.: М. П. Алексеев, Очерки испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Изд. ЛГУ, 1964, с. 119 и сл.

²⁵ См. подробнее: В. В. Пугачев, О специфике декабристской революционности (Некоторые спорные вопросы.) Сб. «Освободительное движение в России», вып. 2, Саратов 1971, с. 32—33.

варе—феврале 1820 г. на квартире И. Шипова состоялось заседание, где обсуждалось царевубийство. Пестель, добившись его одобрения, практически достиг огромного успеха в распространении республиканизма. Согласившись на царевубийство, участники совещания поневоле жгли монархические мосты. Пушкин давно тянулся к более радикальным течениям. С. Н. Тургеневым все чаще возникали несогласия, споры. Однажды чуть не дошло до дуэли.

А. И. Тургенев, критикуя в 1827 г. вторую оправдательную записку Н. Тургенева (предназначавшуюся для Николая I), между прочим, писал:

«Там, где ты говоришь об издании журнала (на примечание рапорта Комиссии и о песнях возмутительных, коими хотели воздействовать на общее мнение), я думаю, что истина требовала бы, чтобы не ты, а я привел случай, бывший между тобой и Ал. Пушкиным, которого ты так ругал и увещевал раз в своей комнате за его тогдашние эпиграммы и пр. против правительства, что он сначала задумал вызвать тебя на дуэль, а после письмом просил у тебя прощения, и что ты не раз давал ему чувствовать, что нельзя брать ни за что жалованье и ругать того, кто дает его.

Это не навредит ему, а напротив, покажет его чувствительность к справедливым упрекам, а тебя представит в истинном виде. Я бы мог дать почувствовать, сколько редакция этого примечания для тебя губительна, говоря о песнях, тотчас после слов и двух точек, о намерении твоём издавать журнал — упомянуть об анекдоте с Пушкиным.»²⁶

Трудно точно определить время этого спора. Можно дать лишь приблизительную хронологию 1819 — начало 1820 г. Подчеркнутые мною слова, по-видимому, имеют в виду эпиграммы на Александра I. Но в тексте А. Тургенева речь идет не только о них.

Слова «тогдашние эпиграммы и пр.» (курсив мой — В. П.) говорят и о чем-то другом. Может быть, о демонстративных выходках Пушкина. А может быть, и о прославлении им в стихах (да и в тех же демонстративных выходках) революционного террора.

В апреле 1819 г. в Эпиграмме на Стурдзу Пушкин солидаризировался с убийством реакционного писателя Коцебу:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.²⁷

²⁶ Памяти декабристов, т. II. Москва—Ленинград 1926, 122 (курсив мой — В. П.) подлинник — ИРЛИ, рук. отделение, архив братьев Тургеневых (ф. 309, № 13, л. 8—8); с этим перекликается замечание Пушкина в записке «О народном воспитании» об уверенности Н. Тургенева. В «Донесении Следственной Комиссии» в разделе о Союзе благоденствия цитировались строки доноса М. К Грибовского о планах тайного общества «действовать на общее мнение изданием особенного журнала, песен, карикатур». К этому месту было примечание: «издание журнала предпринимал действительный статский советник Николай Тургенев; есть несколько возмутительных песен, которые тогда были сочинены и, может быть, распускаемы». По-видимому, А. Тургенев опасался, что их могут приписать Пушкину и тургеневскому воздействию на Пушкина.

²⁷ Н. А. Вяземский, возражая утверждавшим, что речь идет об Аракчееве, писал: «Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, писавшего современно смерти Коцебу политическую записку о немецких университетах.»

Пушкинская оценка существенно отличалась от позиции самых левых либералистов. «Дэкабрист без декабря» (так называл Н. А. Вяземского С. Н. Дурыгин) писал из Варшавы А. И. Тургеневу:

«Что скажешь о трагической кончине Коцебу? Эти головорезы окровавят дело свободы, как французские тигры окровавили дело свободы. Смерть Коцебу — нелепое злодейство. . . Я на месте Струдзы не покойно бы спал.»²⁸

Пушкин подтверждает прогнозы Вяземского — но слева, с сочувствием «трибунала» революционеров. В этом поэт расходился и с Н. И. Тургеневым, записавшим в дневнике 11 апреля 1819 г.:

«В Берлинских газетах много пишут о Коцебу. Неприятное происшествие. Но действия фанатизма неисповедимы. Равно глупо, равно ужасно убийство из фанатизма религиозного и политического.»²⁹

Отношение к террору — и сверху и снизу — у Тургенева было неизменно отрицательным. Еще в 1817 г. он писал о последствиях ожидавшейся английской революции:

«Что будет с Европою, когда падет Англия? Все силы тьмы заревут тогда, что Англия пала от свободы, и свобода, священнейшее благо смертных, станет страшилищем.»³⁰

Тургенев не изменил своих взглядов и в начале 1820 г. Планы цареубийства он не принял. Больше того. Полемицировал с ними. Когда в Петербурге было получено известие об убийстве в Париже рабочим Лувелем наследника престола герцога Беррийского, Тургенев написал статью (по-видимому, для «Сына Отечества»), осуждающую и совершенный террористический акт и терроризм вообще.³¹

И все же Тургенев продолжал влиять на Пушкина. Может быть, именно потому, что поэт видел в нем руководителя влекущей к себе тайной организации. Весной 1820 г. не без влияния Тургенева Пушкин пишет послание к Чаадаеву.

27 марта 1820 г. Тургенев писал Чаадаеву:

«. . . вы много можете споспешествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего святого дела главный предмет ваших занятий, ваших размышлений.»

Полностью преодолеть скепсис Чаадаева, сомневавшегося в активности русского общества, было нелегко. В борьбу за Чаадаева был вовлечен и

²⁸ Остафьевский архив князей Вяземских, 1: 208.

²⁹ Н. И. Тургенев, Дневники и письма, 3: 192.

³⁰ Н. И. Тургенев, Сопоставление Англии и Франции. В сб.: Освободительное движение в России, сб. 2. Саратов 1971, 125.

³¹ Статья датирована 19 февраля 1820 года. Рукопись Н. И. Тургенева (без заголовка) хранится среди бумаг А. И. Тургенева в Центральном Государственном Архиве Москвы (ф. 1875, А. И. Тургенева, сп. 1, ед. хр. 16, л. 97—99).

Пушкин. По-видимому, не без влияния Тургенева весной 1820 г. Пушкин пишет «Любви, надежды, тихой славы».³²

П. Я. Чаадаев в это время был очень нужен тайному обществу, как крупный теоретик, глубокий мыслитель. Его упорно пытались привлечь в Союз благоденствия. В донесении Грибовского — Бенкендорфу (1821 г.) сообщалось, что Чаадаев «воспитывался для общества». Но Чаадаев уклонялся. Будущий автор «Философских писем» (с 1817 по конец 1820 г. состоявший адъютантом командира гвардейского корпуса) был в то время скептиком и признавался, что «сомневался во всем». Скептически относясь к христианской религии,³³ он не верил и в революцию. 23 марта 1820 г. Чаадаев писал брату:

«... теперь толкуют, что я демагог! Дураки! Они не знают, что тот, кто презирает мир, — не думает об его исправлении.»³⁴

В этой позиции много онегинского. Вернее, в Онегине много чаадаевского. Как спор с чаадаевским «презрением» к миру, с его бездействием отчасти и был задуман пушкинский роман.³⁵ Но полемика Чаадаева с Союзом Благоденствия и Пушкинным началась раньше — в 1820 г. Эволюция взглядов Чаадаева сделала эту дискуссию в 1820 г. отнюдь не бесплодной. Под влиянием южноевропейских революций он был готов отойти от «презрения» мира к изменению его. В упомянутом письме к брату он писал: «Еще большая новость — и эта последняя гремит по всему миру — революция в Испании закончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 г. Целый народ восставший, революция, завершенная в 6 месяцев, и при этом ни единой капли крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом — ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело, что вы об этом скажете? Происшествие послужит отменным доводом в пользу революции. Но во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся, — сказать ли? Доверить ли сие этому нескромному листку? Нет, я предпочитаю промолчать».³⁶

Союзу благоденствия нужно было убедить Чаадаева в необходимости изменить мир, исправить его, возможно даже революционным путем. Однако политический радикализм Пушкина вышел за рамки тургеневских идей. Поэт

³² В академическом собрании сочинений последние печатается под 1818 г. (без специального обоснования). В 1955 г. Ю. Г. Осокин на Пушкинской конференции выдвинул другую дату — 1820 год. См. об этом: В. В. Пугачев, «К датировке послания Пушкина К Чаадаеву» (Временник Пушкинской Комиссии, Ленинград 1970, 89—94). См. А. Слонимский, Мастерство Пушкина. Москва 1963, 36.

³³ М. Гершензон, Чаадаев. Москва 1912, 749.

³⁴ П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. 1, СПб. 1914, 5.

³⁵ См. ниже.

³⁶ Трудно сказать, что значит «ближе нас касающиеся». Не исключено, что слова эти переключаются с тургеневским «Испания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможным» (Тургенев, Дневники, III, с. 22). Тургенев писал 24 марта, Чаадаев — 25. Может быть, речь идет о возможности конституционного правления после «военной революции». Но не исключен намек и на возможность давления на правительство.

замышлял в это время убийство Александра I. В черновике писем Александру I (июль—сентябрь 1825 г.) Пушкин рассказывал:

«Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространялись сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 г. — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — Ваше величество.»³⁷

Отговорил — Чаадаев.³⁸ Но не сразу. Пушкин пытался и Чаадаева убедить в необходимости цареубийства.³⁹

А. Слонимский справедливо заметил: «Товарищ, верь» — так можно было обращаться только к тому, кто скептически относится к революционным перспективам. Именно такова и была позиция Чаадаева.⁴⁰

Пушкин же уверял, что Россия воспрянет от сна. И вместо «тихой славы» (т. е. мирной) — другое:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

По-видимому, речь шла об убийстве Александра I. Иначе трудно понять, на что мог в 1820 г. рассчитывать Пушкин, мечтая об увековечивании его имени на «обломках самовластья». Это был переход на наиболее радикальные позиции декабристов, за такие стихи, казавшиеся очень опасными, Пушкин и был выслан.

На юге же он оказался в тесном контакте с М. Орловым, познакомился с Пестелем.

³⁷ Т. 13, с. 548. Перевод с французского, оригинал — с. 227.

³⁸ Об этом см. в моей заметке во «Временнике».

³⁹ Недаром М. Гофман утверждал, что послание написано не Пушкиным, а Рылеевым и адресовано А. Бестужеву.

⁴⁰ А. Слонимский, Мастерство Пушкина, 36.